

ОБЫЧНАЯ МОРАЛЬ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ЕСТЬ ЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ РАЗНИЦА*

В.Н. Сыров, Н.А. Тарабанов

Томский государственный
университет

narrat@inbox.ru

В статье предпринят анализ притязаний прикладной этики на специфичность. Показано, что эти притязания обусловлены не действительной спецификой прикладной этики, а сохраняющимися представлениями о природе морали и способах действия моральных норм или правил. Если признать различие моральных принципов и моральных правил, а также необходимость и наличие способов перевода принципов в правила, то можно показать тождественность способов формулировки моральных правил и принятия решения в обычной морали и прикладной этике.

Ключевые слова: обычная мораль, прикладная этика, моральные принципы, моральные правила, моральная теория, принятие морального решения.

ORDINARY MORALITY AND APPLIED ETHICS: WHETHER THERE IS A BASIC DIFFERENCE

V.N. Syrov, N.A. Tarabanov

Tomsk State University

narrat@inbox.ru

The article analyses the claims of applied ethics on specificity. It is shown that these claims are caused not by the factual specifics of applied ethics, but remaining ideas of the nature of morality and ways of using of moral rules or norms. We argue that if it is possible to show the difference between the moral principles and moral rules and existence of ways of transfer of the principles into rules, it is possible to show identity of ways of the formulation of moral rules and decision-making in ordinary morality and applied ethics.

Key words: ordinary morality, applied ethics, moral principles, moral rules, moral theory, moral decision-making.

Принято считать, что прикладная этика возникает в 60–70-е годы XX века, знаменуя, по мнению ряда авторов, еще один поворот в философии¹. В посвященных ей обзорах

обычно отмечается, что она явилась следствием не столько теоретических рассуждений о сущности и функциях этики, сколько практических запросов². К настоящему времени если не теоретически, то фактиче-

¹ Cortina A. The Public task of Applied Ethics: Transnational Civic Ethics // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garcia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 9.

² Collste G. Applied and Professional Ethics – an Introduction // Perspectives on Applied Ethics / ed. by G. Collste. Studies in Applied Ethics. – Linköping, 2007. – P. 23.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения»

ски прикладная этика выделалась в отдельную отрасль этических исследований. В ее динамике современные авторы отмечают следующие тенденции: а) развитие специализации, связанной с появлением разнообразных прикладных этик и соответствующих журналов; б) переход от использования простых интуиций к широкому применению аргументации в обсуждении этических проблем; в) повышение важности эмпирии, обеспечивающей понимание специфичности действий индивидов или социальных институтов; г) более тесные отношения между этической теорией и конкретными моральными решениями³.

Правомерно, что в таком контексте вопрос о соотношении общей моральной теории и моральной практики, с одной стороны, и прикладной этики, с другой стороны, должен был стать явной или неявной рамкой обсуждения всех тем по поводу природы, статуса, функций, границ и возможностей прикладной этики. Представляется, что стержневым здесь является вопрос соотношения общих моральных положений и конкретных ситуаций, поскольку от ответа зависят основания принятия морально приемлемого решения в тех или иных обстоятельствах.

Судя по всему, обсуждение этой темы в прикладной этике тяготеет к альтернативным толкованиям в виде тенденции к движению «сверху вниз» или «снизу вверх»⁴. Первый подход обычно называют «традиционной моделью прикладной этики»⁵,

³ LaFollette H. The nature of Practical Ethics // The Oxford Handbook of Practical Ethics / ed. by H. LaFollette. – Oxford Univ. Press, 2003. – P. 3–11.

⁴ Beauchamp T.L. The Nature of Applied Ethics // A Companion to Applied Ethics / ed. by R.G. Frey, Ch.H. Wellman. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 7.

⁵ Cortina A. Указ. соч. – P. 16.

или «дедуктивным идеалом»⁶, «фундаментализмом в этике»⁷, или «инженерной моделью»⁸. Его сторонники и противники сходятся в том, что он «аналогичен модели номологического объяснения»⁹. Ответ на вопрос о способе его действия прост: «Применение моральных принципов и этических теорий к конкретным ситуациям, проблемам, конфликтам и т. д. представляет собой ничто иное как применение охватывающего принципа (произведенного от термина “охватывающий закон”) с использованием того, что мы можем назвать предположительными следствиями. Из данного принципа и серии эмпирически удостоверенных предшествующих условий, предложений мы можем извлечь соответствующий набор предписывающих следствий»¹⁰. Утверждается, что надежность такого способа применения ничем не хуже, чем в случае научного объяснения и научной проверяемости¹¹.

Оппоненты единодушны в возражениях, трактуя такой подход как «сверхупрощенное и неверное восприятие», поскольку «прикладная этика преследует цель не оправдания норм, а должна быть понята как инновационное предприятие», где «аргументация и обоснование в рамках при-

⁶ Там же. – P. 17.

⁷ Birnbacher D. Ethics and Social Science: which Kind of Co-operation? // Ethical Theory and Moral Practice. – 1999. – Vol. 2. – № 4. – P. 321.

⁸ Caplan A.L. Can Applied Ethics Be Effective in Health Care and Should It Strive to Be? // Ethics. – 1983. – Vol. 93. №. 2. – P. 314.

⁹ Там же. – P. 314.

¹⁰ Morscher E., Neumaier O., Simons P.M. Introduction: on Applying Ethics // Applied Ethics in a Troubled World / ed. by E. Morscher, O. Neumaier, Peter M. Simons. – Kluwer Academic Publisher, 1998. – P. XIV.

¹¹ Там же. – P. XVI.

кладной этики является не однонаправленным движением, которое ведет от общих принципов к конкретным индивидуальным и групповым случаям»¹². Они настаивают, что «результаты, которые прикладная этика получает, редко основаны на нормативных принципах высшего порядка, но более часто на прецедентах, общепринятых частных суждениях (интуициях), теориях второго плана, которые могут быть отчасти дескриптивными и отчасти нормативными»¹³.

Сторонники этого пути подчеркивают особую роль эмпирии, которая является «не только желательным дополнением к прикладной этике, но необходимой частью ее»¹⁴. При этом они отмечают разнообразие форм ее связи с общими положениями. Прежде всего, речь идет об эмпирии как определяющем условии перевода абстрактных принципов в практические правила. «Без знания эмпирических деталей наши моральные принципы и соображения сохраняют неприемлемую аморфность»¹⁵. Подчеркивается, что специалист в прикладной этике должен не только исследовать «теоретическую надежность предложенных норм практической морали (в терминах последовательности, согласованности с другими правилами социальной морали и совместимости с принципами, лежащими в их основе), но также рассмотреть их практическую осуществимость, психологическую приемлемость и их потенциальную

эффективность в изменении установок и поведения в желательном направлении»¹⁶. «Нормативная теория должна полагаться на эмпирические социальные науки в ситуации а) перевода базисных принципов в практические правила и б) прояснения критериев применения моральных норм»¹⁷. «...Пока мы не понимаем обстоятельств, в которых люди голодают или нищают, мы не будем знать, как оценить индивидуальные действия или политические и экономические институты, которые могут обусловить или предотвратить такое обнищание»¹⁸.

Отсюда трактовка роли теории. «Воспринимать моральные теории или принципы как “решатели проблем” или, в любом случае, как устройства, предназначенные поддерживать или оправдывать принятие решений, значит не понимать первоочередное значение теории и принципов»¹⁹. Поэтому их скорее следует рассматривать как «набор инструментов в коробке», чем как попытку сформулировать картину реальности, притязающую на авторитетность и общепринятость»²⁰. Кроме того, метафора инструмента подразумевает, что теории более должны служить пищей для ума, чем методом создания норм, обеспечивая интеллектуальные предпосылки для тщательного обдумыва-

¹⁶ Birnbacher D. Указ. соч. – P. 321.

¹⁷ Schleidgen S., Jungert M.C., Bauer R.H. Mission: Impossible? On Empirical-Normative Collaboration in Ethical Reasoning // *Ethical Theory and Moral Practice*. – 2010. – Vol. 13. – № 1. – P. 62.

¹⁸ LaFollette H. Указ. соч. – P. 6–7.

¹⁹ Verweij M. Moral Principles and Justification in Applied Ethics // *Perspectives on Applied Ethics* / ed. by G. Collste. – Linköping, 2007. – P. 54.

²⁰ Hämäläinen N. Is Moral Theory Harmful in Practice? – Relocating Anti-theory in Contemporary Ethics // *Ethical Theory and Moral Practice*. – 2009. – Vol. 12. – №. 5. – P. 549.

¹² Bayertz K. Self-Enlightenment of Applied Ethics // *Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society* / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 42.

¹³ Там же. – P. 42.

¹⁴ Birnbacher D. Указ. соч. – P. 320.

¹⁵ LaFollette H. Указ. соч. – P. 7.

ния моральных альтернатив и многообразие путей такого осмысления²¹.

Приверженцы подхода «снизу вверх» идут далее, когда ставят под вопрос правомерность апелляции только к одной теории. «...Прикладная этика не может быть создана на основе только одной теории»²². «...Различные проблемы требуют присутствия различных теорий для их решения. Это не основание для эклектики. Дело в том, что реальность носит столь многосторонний характер, а каждая теория тем не менее стремится сфокусироваться на одном или нескольких ее изменениях и потому мало преуспевает, когда берется за другие»²³. В итоге наиболее популярным стал тезис о необходимости создания сети взаимно согласованных, скоординированных или по крайней мере непротиворечивых принципов.

«Опорная точка для применяемого метода – это отказ от предпочтения какому-либо определенному виду моральных убеждений... Попытки определить «основания» для этики в рамках современной философии не ведут к результатам, в равной степени приемлемым для всех...»²⁴. Предпочтение такого подхода связывается не столько с доминированием мировоззренческого релятивизма, сколько со спецификой происхождения и статуса прикладной этики. Она «создана не столько одними философами, сколько экспертами в различных областях, а именно юристами, этиками, теологами, которые привносят свои убеждения и интересы в дебаты»²⁵. Поэтому основной ее задачей видится не созда-

ние моральных теорий, а обеспечение решений тех или иных реальных или релевантных моральных проблем, и приоритет отдается обеспечению общепринятости, а не обоснованности²⁶.

Не случайно излюбленным аргументом стала апелляция к методологии, созданной Дж. Ролзом. «Оправдание на основании “рефлексивного равновесия” означает создание по возможности широкой сети убеждений, взаимно поддерживающих друг друга без придания привилегированной позиции любому отдельному виду таких убеждений»²⁷. Утверждается, что современным идеалом моральной теории является не дедуктивизм, а «когерентистский подход, в рамках которого моральная теория формируется в ходе взаимного баланса между набором центральных принципов и обдуманных суждений. Здесь теория и опыт взаимно обогащают друг друга в поиске баланса, а взаимоотношения теорий, принципов и суждений могут быть вновь пересмотрены перед лицом новых размышлений»²⁸.

Платформа для суждений подобного рода обусловлена дискуссиями о статусе прикладной этики. Как правило, сторонники особого статуса подчеркивают, что источником ее возникновения и актуализации стала не логика развития философской мысли, а запросы социальной реальности²⁹, что ее тематика и проблематика вышла за пределы академических исследований и воплощается не столько в книгах и статьях, сколько в практических решениях³⁰.

Что касается суждений оппонентов, то примечателен тезис А. Макинтайра: «Ру-

²¹ Härmäläinen N. Указ. соч. – Р. 552.

²² Cortina A. Указ. соч. – Р. 16.

²³ Там же. – Р. 16.

²⁴ Bayertz K. Указ. соч. – Р. 42–43.

²⁵ Cortina A. Указ. соч. – Р. 16.

²⁶ Bayertz K. Указ. соч. – Р. 43.

²⁷ Там же. – Р. 43.

²⁸ Härmäläinen N. Указ. соч. – Р. 545.

²⁹ Cortina A. Указ. соч. – Р. 10.

³⁰ Bayertz K. Указ. соч. – Р. 34.

брика “прикладная этика”... представляет собой барьер для понимания того, что действительно происходит... Прикладная этика основана на заблуждении, которое может оказывать пагубное влияние»³¹. Поэтому «когда этика и мораль правильно поняты, понятие прикладной этики теряет всякое значение»³². Правильное понимание означает, что «моральные правила существуют только через разнообразный диапазон их применения, и история моральных правил в своей ключевой части есть история изменений в их употреблении»³³. Но если воспринимать их в статичном внеисторическом виде, тогда прикладная этика предстает результатом столкновения застывшей моральной традиции с неожиданными проблемами³⁴. «Наличие таких проблем и есть то, что обеспечивает современной прикладной этике сферу ее применения»³⁵.

Данные темы находят свое отражение и в отечественной литературе. Пионером здесь по праву можно считать В.И. Бакштановского, ставшего создателем научно-исследовательского института прикладной этики в Тюмени с конца 90-х гг. XX века. Одной из первых обобщающих работ по прикладной этике стала монография Л.В. Коноваловой (1998 г.). В 2005 г. В.Н. Назаровым был издан учебник «Прикладная этика».

Диапазон мнений отечественных авторов также колеблется от радикальных до

более осторожных. Так, Коновалова подчеркивает, что «прикладная этика – это особый вид этики не потому, что она накладывается на новый проблемный материал, а потому, что она дает *новое* понимание проблем морали, представляет собой новый вид этики, новый подход к проблемам самой этики, ...по-новому формулирует ее предмет, ставит перед этикой новые задачи, ...дает *новое понимание этики*»³⁶. «...Прикладная этика не просто использует (в качестве аппликации) теоретические этические наработки; *приложение* превращает их в специфическую, новую систему знаний, творчески преобразованную для нужд конкретной практической деятельности или ситуации»³⁷. Некоторые авторы настаивают на ее инновационном характере и потому даже противопоставляют ее этике практической³⁸. Обаяние новых идей захватывает даже более осторожных мыслителей. Как отмечает А.А. Гусейнов: «Логика прикладной этики заключается в движении от частного к общему, а не от общего к частному, как это было по традиционным философско-этическим

³⁶ Коновалова Л.В. Прикладная этика. Вып. 1: Биоэтика и экзэтика. – М.: ИФ РАН, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/iphras/library/konov.html> (дата обращения: 11.06. 2013).

³⁷ Мишаткина Т.В. «...Так и хочется сказать словами песни Аллы Пугачевой: “Правы, вы оба правы!”» / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной этики. Вестник. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 27–28.

³⁸ НИИ прикладной этики. «Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению» (программа экспертного опроса) / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной этики. Вестник. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 10.

³¹ MacIntyre A. Does Applied Ethics rest on a Mistake? // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 61.

³² Там же. – P. 57.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

канонам. ...Здесь не ситуация подводится под правила, а правило выводится из ситуации»³⁹.

Новизна прикладной этики также связывается со спецификой характера принятия решений. Рассуждения о роли поступка как следствия личного выбора вообще стали весьма популярными вплоть до его противопоставления общепринятым нормам⁴⁰. «Выбор в современной прикладной этике – это не выбор между жизнью и смертью, моральным и аморальным. Это выбор самой ситуации выбора, выбор между заданным извне должным и самостоятельно определяемым возможным»⁴¹. Поэтому «в пространстве морали возможного и прикладной этики человек – не пассивный исполнитель норм и требований, а активный деятель, создающий моральные нормы и творящий самого себя в постоянно возникающих актах морального выбора»⁴².

Такова общая панорама проблемного поля, связанного с осмыслением статуса и функций прикладной этики. Конечно, авторы, категоричные в одном, могут быть вполне осторожными в другом. Поэтому

³⁹ Гусейнов А.А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Ведомости НИИ ПЭ. Вып. 32 «Прикладная этика: “КПД практичности”». – Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – С. 132–133.

⁴⁰ Сычев А.А. «В ситуации “пролиферации теорий” основой становятся наиболее оригинальные, далеко отстоящие от общепринятых идей» / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной этики. Ведомости. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 79.

⁴¹ Сычев А.А. Право на выбор в прикладной этике / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова // Прикладная этика как фронестика морального выбора. Ведомости прикладной этики. – Вып. 40. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – С. 20.

⁴² Там же. – С. 22.

далее мы будем говорить о комплексе идей, которые, как представляется, взаимно поддерживают и даже обуславливают друг друга, но являются продуктом синтетическим, смикшированным из положений разных авторов.

Начнем с тезиса, который не оригинален, но нуждается в периодическом проговаривании. Не случайно классики философской мысли относили положения морали к сфере практического разума, подчеркивая, что они призваны не описывать и объяснять сущее, а организовывать и направлять действия и даже бытие разумных существ в целом. Отсюда их формулировка в виде предписаний или требований. Если это так, то суть любой морали заключается в том, чтобы быть прикладной.

Вопрос в том, что и как в морали может и должно применяться. Очевидно, что мы всегда имеем дело с конкретными ситуациями. Это предполагает конкретность сценариев поведения. Так, мы сталкиваемся не вообще с ближним, а с пожилым человеком, к примеру, и реализовывать по отношению к нему должны не любовь вообще, а конкретную форму ее выражения. С другой стороны, мы опознаем эти или иные действия как моральные в силу их соответствия (или нашей убежденности в этом) некоторым более общим чертам.

Путь решения может быть таков. Следует различить принципы и моральные правила (или нормы). Статус принципов в структуре морали трактуется по-разному. Одни понимают под ним нормы, осуществляемые идеальными агентами (добродетельными индивидами) в идеальных (благоприятных) условиях. «К сожалению, в повседневной жизни в силу когнитивных и мотивационных ограничений индивидам редко удается соответствовать такому

идеалу»⁴³. Другие считают, что моральные принципы «действуют как долговременные обязательства. В отличие от других обязательств..., долговременные обязательства, такие как “Не пить за рулем” или “Не нарушать свои обещания”, обладают бессрочной силой»⁴⁴.

Бесспорно, что принципы должны обладать такой силой, но благодаря не субъективным желаниям или идеальным условиям, а сущности морали. Вспомним смысл кантовского разведения категорических и гипотетических императивов как безусловных и обусловленных. Оппонент может возразить, что данный тезис грешит моральным ригоризмом, что нарушение тех или иных обязательств может быть морально оправданным.

Здесь оттолкнемся от тезиса, что никакой принцип не предназначен для прямого применения. Конечно, требование, к примеру, «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁴⁵ имеет смысл лишь как руководство к действию. Но в таком виде оно не может быть применено, правда не в силу специфики места и времени или аморфности формулировки. Принцип следует трактовать как положение, указывающее, что и как делать разумному существу, если оно намерено следовать моральным требованиям, а потому призванное быть критерием их отличия от требований иного рода

и указанием организации жизни в целом, а не инструментом в решении конкретных задач.

Тогда стоит утверждать, что принцип нуждается в интерпретации и конкретизации, а не в ограничении или дополнении чем-либо еще. Понятно и общее направление такой конкретизации в виде набора положений, которые должны формировать и направлять как мотивы, побуждающие к действиям, так и сами действия. Вот почему требование «относиться к любому разумному существу как к цели» мы должны конкретизировать как требование, к примеру, «сохранять свое достоинство и уважать достоинство других», а его, в свою очередь, – как требования «не лгать», «держаться обещания» и т. д.

Какова тогда роль эмпирии? Философов часто упрекали и упрекают как в ее игнорировании при формулировке моральных положений, так и в инженерном подходе к их применению. Очевидно, что само содержание морали явно или неявно зависит от определения границ и возможностей человеческого бытия (поскольку иных разумных существ мы пока не знаем), поскольку предназначено для его организации. Поэтому эмпирия призвана не подрезать крылья мечтаниям, а обеспечить определение способов применения моральных требований.

Прежде всего, можно говорить об уровнях организации жизни. Ведь одно дело – конкретные ситуации, другое – отрезки жизни, где те же ситуации являются частями темпорально развернутой целостности, третье – целостность всей жизни. Логично предположить, что правила их организации также должны быть выстроены по степени общности. Ведь требование «не лгать» хорошо работает в конкретной си-

⁴³ Schleidgen S., Jungert M.C., Bauer R.H. Указ. соч. – Р. 61.

⁴⁴ Albrecht M. Principle-Based Moral Judgment // Ethical Theory and Moral Practice. – 2013. – Vol. 16. – № 2. – Р. 343.

⁴⁵ Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Критика практического разума. – СПб.: Наука, 1993. – С. 90.

туации, но вряд ли способно организовать полноту всей жизни и стать основным долговременным обязательством. Здесь более подошло бы положение типа «выстраивай отношения с другими на принципах взаимного уважения и взаимной востребованности». Тогда стоит согласиться с тезисом о необходимости введения положений, играющих роль моста [bridging principles] между базисными принципами и моральными правилами (нормами)⁴⁶.

Направление конкретизации также может быть обусловлено типом проблем или задач, с которыми сталкивается культура. Так, мы можем предположить, к примеру, что теория справедливости, делающая упор на равенство в распределении не благ, но прав, возможна и необходима только при определенном типе общества, а именно построенном на принципах рыночной экономики. Вне его она либо избыточна, либо недостаточна.

Далее. Допустим, вслед за Ролзом, мы принимаем его тезис, что «социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы а) от них можно было бы ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям и должностям был открыт всем»⁴⁷. Допустим, что он является интерпретацией более общего принципа «уважать достоинство личности» и конкретизируется в требовании «способствовать созданию равных стартовых позиций для всех». Но, как подчеркивает сам Ролз: «Нет оснований полагать, что принципы, которые должны регулировать жизнь ассоциации людей, являются простым расширением принципа выбора для одного человека»⁴⁸.

⁴⁶ Schleidgen S., Jungert M.C., Bauer R.H. Указ. соч. – Р. 62.

⁴⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 66.

⁴⁸ Там же. – С. 39.

Это может означать, к примеру, что не все объективно способны достичь «положений и должностей», но все должны быть достойны уважения. Тогда по отношению к ним тезис Ролза может быть конкретизирован как требование создания системы социальной защиты.

Итак, без введения в игру эмпирических факторов и определения условий и механизма их действия принципы никогда не станут жизненной практикой. Но, с другой стороны, стоит согласиться с тем, что «практические правила не могут быть развиты без базисных принципов, лежащих в их основе»⁴⁹. Иначе говоря, сама по себе эмпирия никаких моральных правил не произведет. Чтобы действие стало морально ориентированным, его следует соотнести с моральным принципом. Так, мы помогаем пожилому человеку, к примеру, не в силу естественных причин, а потому, что в этом проявляется уважение к достоинству личности. Поэтому воспринимаемые как банальности требования «не лгать» или «держаться обещание» опознаются как моральные, поскольку соответствуют более общим положениям.

Далее, обратим внимание на еще один аспект применения моральных норм. Посмотрим на ситуацию глазами индивида, принимающего моральные решения в тех или иных жизненных ситуациях. Здесь также хватает упреков, предъявляемых классике в игнорировании роли поступка или личного выбора, в отождествлении пути применения моральной нормы с функциями общих законов в познании. В западной исследовательской литературе эта проблематика нашла выражение в дискуссии о роли моральных принципов в вынесении

⁴⁹ Schleidgen S., Jungert M.C., Bauer R.H. Указ. соч. – Р. 61.

моральных суждений и принятия соответствующих решений.

Обычно здесь критикуется гемпелевская модель объяснения⁵⁰. Применительно к действиям, она предполагала бы опознание ситуации и выбор из имеющегося морального репертуара уместного правила. Так, мы идентифицируем пожилого человека, намеревающегося перейти улицу, как нуждающегося в помощи и принимаем соответствующее решение. Модель можно сформулировать в виде правила типа «если имеет место то-то и то-то, то надлежит поступать так-то и так-то». Что же здесь не так и что может вызвать возражения?

Начнем с того, что общая логика принятия решения предполагает перевод принципов в правила, и цепочки такого перевода будут тянуться до конкретного морального суждения. Происходит ли это путем спекулятивных рассуждений или практического опыта – в данном случае неважно. Схема одна и та же. Более того. Типичность жизненных ситуаций обусловит превращение вынесенных суждений в моральное правило. Как мы это сделали и как мы об этом узнали – другой вопрос.

Пока все это не отклоняется от дедуктивного идеала. Где начинаются нюансы? Во-первых, бесспорно, что любая жизненная ситуация обладает уникальностью. Ведь даже перевод пожилого человека через дорогу неповторим в силу особенностей физического и психологического состояния участников действия. И здесь мы каждый раз принимаем пусть микро-, но решение, как правильно осуществить действие. Для этого мы подключаем свой жизненный опыт, интуицию, размышления

⁵⁰ См.: Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // К.Г. Гемпель. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1998. – С. 16–31.

(если есть время). В принципе, эти аспекты могут быть артикулированы и типизированы. Мы не делаем этого, поскольку в нашей культуре принято, что какая-то степень детализации правила отдается на откуп личностному решению.

Но даже такое микрорешение не произвольно, поскольку следует принципу, который призван указать направление принятия решения (вынесения морального суждения). Общая схема рассуждения примерно такова: «Что я должен сделать в данной ситуации, чтобы быть моральным?», а для данного случая: «Как морально правильно я должен перевести пожилого человека?». Если то или иное положение выполняет такую методологическую функцию, тогда оно будет играть роль принципа по отношению к конкретному действию. Происходит ли это путем размышлений или интуиции, собственных поисков или опоры на опыт других – это неважно. Даже если требуется определить моральность ситуации как таковой, то путь остается тем же: следует соотнести ее с моральным принципом, например: затронут ли достоинство личности, не превращен ли индивид в инструмент реализации чьих-либо интересов и т. д.

Как тогда можно интерпретировать смысл движения «снизу вверх», и вообще – имеет ли оно смысл? Очевидно, что в принятии решений мы можем ставить под сомнение как начальные условия, так и общие правила. Например, мы можем сомневаться в опознании морального смысла ситуации (человек с тяжелой ношей нуждается в помощи или похитил чужое имущество, к примеру), но при этом знать, как поступать, если ситуация опознана.

Более интересен случай, когда мы ощущаем ситуацию как морально значимую, но

не знаем надлежащего правила или понимаем, что наличного репертуара правил не достаточно. Бесспорно, что именно здесь требуется максимум творческих исканий, личного выбора и ответственности в принятии решения. Но рискуем полагать, что общий механизм действий останется тем же, а рассуждение будет таково: «Что я должен делать, чтобы реализовать уважение к достоинству личности?» или «Что я должен делать, чтобы все участники воспринимались как цели, а не средства?».

Рискнем утверждать, что нет никакой разницы в механизме принятия решения в приватной или публичной сфере, в личном порядке или в ходе публичной дискуссии. Да, на каждой стадии возможна ошибка как в идентификации ситуации, так и в определении правила. Решение может остаться уникальным, а может стать нормой. Все зависит от общественной значимости тех или иных проблем и от возможности ситуаций стать типичными. Но механизм остается тем же.

Тогда так называемой «обычной моралью» следует считать не сумму банальностей, не набор моральных стереотипов, не выпавший в культурный осадок здравый смысл, а совокупность принципов и правил, прошедших моральную экспертизу и призванных обслуживать значимые и типичные для общества положения дел.

Есть ли тогда принципиальная разница в тех операциях, которые мы совершаем или должны совершать, когда принимаем решения в специализированных ситуациях, т. е. когда имеем дело с прикладной этикой? Если обратиться к примерам, в изобилии приводимым авторами соответствующих статей, то видно, что они концентрируются вокруг вопросов о моральной оправданности или моральном стату-

се тех или иных действий: надлежит ли, к примеру, следовать обязательствам, если их нарушение обеспечит спасение жизни пациента; что следует делать, если для определенного типа лечения требуется согласие матери, а 17-летний студент колледжа соглашается на лечение только при условии полной конфиденциальности, и т. д.⁵¹

Рискнем утверждать, что принципиальных различий в их обсуждении и решении нет. Так, если мы полагаем, что обещание стоит нарушить или, наоборот, сдержать, то обосновывать принятие решения можем лишь рассуждениями о его наиболее оптимальном соответствии критериям моральности. Другой вопрос, что у участников может отсутствовать согласие по поводу самих критериев.

Поэтому если есть разница между обычной моралью и прикладной этикой, заключается она не в принципах, а в степени. Вполне возможно, что здесь принятие решений требует коллективной дискуссии, что ситуации, с которыми сталкиваются индивиды, не имеют аналогов в обычной жизни, что проблематичность, а именно альтернативные варианты решения, предельно высока. Но исходного тезиса это не отменяет. Все эти операции столь же универсальны для любой моральной деятельности и ничем не специфицируют прикладную этику. Она может стать источником пересмотра правил и даже принципов, но формулировка моральных принципов останется в компетенции философии (или моральной теории). «Задача философского переосмысления морали остается за “традиционными” философами морали,

⁵¹ См., например: Михайлова Е.П., Бартко А.Н. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Часть 1: Теория и принципы биомедицинской этики. – М.: ММСИ, 1995. – 239 с.

которые должны производить мониторинг этико-прикладных исследований и, воспринимая их как “эмпирический” материал для философских обобщений, корректировать по мере необходимости как само понятие морали, так и отдельные морально-философские представления⁵².

Тогда не прав ли Макинтайр? В том, что касается принципиальной новизны прикладной этики, видимо, да. Конечно, если только ее сторонники не будут настаивать на существовании двух совершенно различных этик. Но тогда разговор перейдет в плоскость метаэтики, поскольку будет связан с прояснением контекстов употребления базисных моральных категорий. Однако в той же статье Макинтайр заметил, что сложившийся способ трактовки природы и функционирования морали провоцирует актуализацию тем, поднятых прикладной этикой. Если разделяемые обществом принципы сформулированы с весьма неясным окончанием, к примеру: «Необходимо говорить правду, но в ряде случаев это создает проблемы и тогда...», всегда остается класс ситуаций, где правило до конца не может быть определено в применении. В результате в практике применения действует принцип «баланса рассматривений», который не имеет масштаба, а потому является лишь метафорой⁵³.

В основе такого положения дел можно усмотреть более глубинные основания. Дело в том, что, как справедливо отмечается, теории часто продолжают восприниматься как картинки реальности, а не ин-

струменты для действий⁵⁴. В морали это приводит к их сведению к исчислимому набору правил типа «держаться обещания», «не лгать» и т. д. и убеждению, что они исчерпывают ее сущность. В теоретическом плане такой подход порождает разрыв теории и практики или отдельное существование теории от ситуаций, к которым она применяется⁵⁵. В практике он ведет к тупикам в применении правил к новым ситуациям и отсутствию мерки, которая определяла бы правомерность их употребления или нарушения. Поэтому правомерен тезис одного из творцов прикладной этики: «Скептицизм по поводу практической релевантности теории не удивителен в свете того факта, что философы традиционно пытались объяснять и оправдывать мораль, прояснять моральные концепты, проверять как делаются моральные суждения и аргументы и выстраивать базисные принципы морали, но не использовать нормативные теории для решения практических моральных проблем или очерчивать коды профессиональных этик»⁵⁶.

Макинтайр справедливо отметил, что отрыв правил от их применения обусловлен, помимо прочего, забвением истории их употребления, когда «мы не обязываем наших последователей и не обязаны нашим предшественникам»⁵⁷. Представляется, что путь преодоления разрыва лежит не только в актуализации исторического контекста, но и в переосмыслении характера и функций моральной теории. Если мы полагаем, что моральные положения на всех уровнях анализа имеют смысл лишь в контексте при-

⁵² Апресян Р.Г. Прикладная этика и общая теория морали. Прикладная этика как фронестика морального выбора. Вестник прикладной этики. Вып. 40 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – С. 86–87.

⁵³ MacIntyre A. Указ. соч. – Р. 59.

⁵⁴ Härmäläinen N. Указ. соч. – Р. 549.

⁵⁵ Agarwal B.K. Applied Ethics: A Deformation of Practice // Applied Ethics / ed. by A.P. Dubey. – Nothern Book Centre, 2004. – Р. 50.

⁵⁶ Beauchamp T.L. Указ. соч. – Р. 5.

⁵⁷ MacIntyre A. Указ. соч. – Р. 59.

менения, то переход от теорий к их употреблению станет не попыткой соединить несоединимое, а чем-то сродни переходу от мысленного эксперимента к реально осуществляемому. Если же мы полагаем, что имеет смысл различать моральные принципы и моральные нормы (или правила) по их функциям и масштабам применимости, тогда исчезает пропасть, возведенная между обычной моралью и прикладными этиками. Все они становятся различными благодаря специфике эмпирических контекстов и обусловленных этим кодексов правил, но единичными в моральных принципах и механизмах их трансляции в такие правила.

Если это так, то возникновение прикладной этики скорее предстает не переопределением природы моральности (или притязанием на это), а симптомом сохранения определенных ее трактовок. Если идея прикладной этики позволяет их распатать и переориентировать моральный дискурс в более действенном направлении, разговор о ней правомерен.

Литература

- Agarwal B.K.* Applied Ethics: A Deformation of Practice // Applied Ethics / ed. by A.P. Dubey–Nothorn Book Centre, 2004. – P. 46–87.
- Albertzart M.* Principle-Based Moral Judgment // Ethical Theory and Moral Practice. – 2013. – Vol. 16. – № 2. – P. 339–354.
- Bayertz K.* Self-Enlightment of Applied Ethics // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 33–48.
- Beauchamp T.L.* The Nature of Applied Ethics // A Companion to Applied Ethics / ed. by R.G. Frey, Ch.H. Wellman. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 1–16.
- Birnbacher D.* Ethics and Social Science: which Kind of Co-operation? // Ethical Theory and Moral Practice. – 1999. – Vol. 2. – № 4. – P. 319–336.
- Caplan. A.L.* Can Applied Ethics Be Effective in Health Care and Should It Strive to Be? // Ethics. – 1983. – Vol. 93. – №. 2. – P. 311–319.
- Cortina A.* The Public task of Applied Ethics: Transnational Civic Ethics // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 9–32.
- Collste G.* Applied and Professional Ethics – an Introduction // Perspectives on Applied Ethics / ed. by G. Collste. – Linköping, 2007. – P. 22–38.
- Hämäläinen N.* Is Moral Theory Harmful in Practice? – Relocating Anti-theory in Contemporary Ethics // Ethical Theory and Moral Practice. – 2009. – Vol. 12. – №. 5. – P. 539–553.
- LaFollette H.* The nature of Practical Ethics // The Oxford Handbook of Practical Ethics / ed. by H. LaFollette. – Oxford Univ. Press, 2003. – P. 1–11.
- MacIntyre A.* Does Applied Ethics rest on a Mistake? // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. – Ashgate Publishing, Ltd., 2008. – P. 49–62.
- Morscher E., Neumaier O., Simons P.M.* Introduction: on Applying Ethics // Applied Ethics in a Troubled World / ed. by E. Morscher, O. Neumaier, P.M. Simons. – Kluwer Academic Publisher, 1998. – P. IX–XXI.
- Schleidgen S., Jungert M.C., Bauer R.H.* Mission: Impossible? On Empirical-Normative Collaboration in Ethical Reasoning // Ethical Theory and Moral Practice. – 2010. – Vol. 13. – № 1. – P. 59–71.
- Verweij M.* Moral Principles and Justification in Applied Ethics // Perspectives on Applied Ethics / ed. by G. Collste. – Linköping, 2007. – P. 52–70.
- Апресян Р.Г.* Прикладная этика и общая теория морали. Прикладная этика как фронестика морального выбора / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова // Ведомости прикладной этики. – Вып. 40. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – С. 84–95.
- Гемпель К.Г.* Функция общих законов в истории // К.Г. Гемпель. Логика объяснения. – М.: Дом интеллектуальной книги. Русское

феноменологическое общество, 1998. – С. 16–31.

Гусейнов А.А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Ведомости НИИ ПЭ. Вып. 32 «Прикладная этика: “КПД практичности”». – Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – С. 124–135.

Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Критика практического разума. – СПб.: Наука, 1993. – С. 55–119.

Коновалова А.В. Прикладная этика. Вып. 1: Биоэтика и экоэтика. – М.: ИФ РАН, 1998. – 268 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/iphras/library/konov.html> (дата обращения: 11.06. 2013)

Михайлова Е.П. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Часть 1: Теория и принципы биомедицинской этики / Е.П. Михайлова, А.Н. Бартко. – М.: ММСИ, 1995. – 239 с.

Мишаткина Т.В. «...Так и хочется сказать словами песни Аллы Пугачевой: “Правы, вы оба правы!”» / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной

этики. Ведомости. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 26–37.

НИИ прикладной этики. «Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению» (программа экспертного опроса) / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной этики. Ведомости. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 7–16.

Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.

Сычев А.А. «В ситуации “пролиферации теорий” основой становятся наиболее оригинальные, далеко отстоящие от общепринятых идей» / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова // Парадигмы прикладной этики. Ведомости. – Вып. 35, специальный. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – С. 68–82.

Сычев А.А. Право на выбор в прикладной этике / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова // Прикладная этика как фронестика морального выбора. Ведомости прикладной этики. – Вып. 40. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – С. 14–24.